

О РАЗРАБОТКЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ

*Академик П. Н. Федосеев,
член-корреспондент АН СССР Ю. П. Францев*

Бесспорны и значительны успехи, достигнутые нашими историками, многие труды которых составляют ценнейший фонд мировой науки. Путем конкретного анализа социальных явлений советские историки показали глубокую правоту и жизненность марксистско-ленинской концепции исторического процесса. На основе исследований, посвященных всемирной истории, судьбам многих народов Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, они доказали закономерность прогрессивного развития общества, неизбежность смены капиталистической общественно-экономической формации социалистической, возможность некапиталистического пути развития, открывающуюся в настоящее время для целого ряда стран, освободившихся от колониального гнета. И сколько бы ни атаковали эти труды буржуазные идеологи, сколько бы ни нападали на них ревизионисты и догматики, наши завоевания во многих областях исторической науки неоспоримы, приоритет советских ученых в разработке ряда ее важнейших вопросов незыблем.

Наша задача сейчас состоит в том, чтобы идти дальше и смелее по пути, проложенному для исторической науки К. Марксом и Ф. Энгельсом, В. И. Лениным. Для этого необходимо до конца ликвидировать последствия культа личности Сталина в области общественных наук, в том числе и в исторической науке. Одним из наиболее тяжелых последствий культа личности было снижение престижа общественных наук. Оно объясняется тем, что ученые, работавшие в области общественных наук, во времена культа личности были поставлены в такое положение, при котором была крайне затруднена их творческая деятельность. Поэтому довольно широко распространилось мнение о том, что советские ученые-обществоведы повторяют цитаты или пересказывают их содержание и без конца комментируют указания, содержащиеся в заявлениях одного и того же лица. В работах обществоведов давал себя знать чуждый марксизму-ленинизму догматизм, начетнический метод.

Коммунистическая партия Советского Союза, ее Центральный Комитет сделали все необходимое для того, чтобы до конца преодолеть последствия культа личности, чтобы высоко поднять престиж общественных наук. В Программе КПСС указывается, что общественные науки являются научной основой руководства общественной жизнью. По существу, наступил новый этап в вековом развитии марксистской науки об обществе. Программа партии в этой связи определила конкретные задачи и роль общественных наук в коммунистическом строительстве и указала главные направления исследовательской работы советских ученых-обществоведов. Партия оказывает величайшее внимание общественным наукам и постоянно руководит их развитием.

Важнейшим этапом в развитии советской исторической науки, создавшим условия для всемерного улучшения работы историков, является именно последнее десятилетие, принесшее преодоление последствий культа личности Сталина, восстановление ленинских принципов развития исторической науки. Это знаменательный рубеж в развитии нашей историографии.

Однако до недавнего времени в работах многих историков о периодизации советской историографии неверно утверждалось, будто «разоблачение ошибок» М. Н. Покровского явилось важнейшей вехой в развитии исторической науки в нашей стране. В настоящее время для всех абсолютно ясно, что М. Н. Покровский — выдающийся советский

историк, одним из первых поставивший вопрос о конкретной разработке методологии исторической науки. Покровский дал острую критику неокантианства, хотя и проявил непоследовательность в критике махизма.

Конечно, критиковать культ личности — это не значит отрицать достижения советской исторической науки за те годы. Эти достижения очевидны в исследовательской работе, в практике высших учебных заведений, в подготовке кадров историков. Но нельзя сводить дело и к повторению общих мест о достижениях советских историков, игнорируя те помехи и наслоения, которые создавал культ личности в нашей историографии.

Задачи борьбы с последствиями культа личности в настоящее время заключаются прежде всего в том, чтобы творчески, по-ленински исследовать важнейшие проблемы современности, уделять главное внимание тем проблемам истории, которые находятся в центре идеологической борьбы. Неотложная задача, решение которой требует координации усилий представителей всех общественных наук, заключается в том, чтобы всесторонне, в обстановке творческих научных дискуссий, приблизить всю исследовательскую работу к жизни и глубоко разрабатывать методологические проблемы исторической науки.

За последнее время Академия наук СССР все более настойчиво ставит и изучает методологические вопросы науки. Большое внимание этим вопросам было уделено на Общем собрании Академии наук СССР в октябре 1962 г. в докладе академика Л. Ф. Ильичева и в выступлении при обсуждении задач общественных наук в условиях развернутого строительства коммунизма. Методологические вопросы исторической науки большое место заняли на Всесоюзном совещании историков в декабре 1962 г. в докладе академика Б. Н. Пономарева и в выступлениях как на пленарных заседаниях, так и в секциях. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное итогам июньского Пленума ЦК КПСС и задачам идеологической работы, вновь подчеркнуло важность и актуальность методологических вопросов науки. Недавно Президиум АН СССР обсудил доклад академика Л. Ф. Ильичева о разработке методологических вопросов естествознания и общественных наук и поручил всем научным учреждениям организовать исследование этих вопросов.

В настоящем докладе рассматриваются некоторые методологические вопросы исторической науки.

Предмет исторической науки

Под влиянием культа личности предмет исторической науки до недавнего времени трактовался суженно, односторонне. История общества определялась как история развития производства, как история производительных сил и производственных отношений. Добавлялось при этом, что историческая наука должна заниматься историей народных масс как производителей материальных благ.

Конечно, развитие производства и производственная деятельность народных масс есть основа исторического процесса. Но неправильно было бы полагать, что история общества сводится к его экономической истории. Так историю понимали представители экономического материализма.

Классики марксизма-ленинизма дали цельную картину исторического процесса во всей его сложности и противоречивости, во всем его гигантском многообразии. Усматривая конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства, Маркс и

Энгельс доказали, что вся история общества, за исключением первобытных времен, была историей классовой борьбы.

Классовая борьба, как известно, охватывает и сферу экономики, и сферу политики, и область идеологических отношений. Марксистское положение о классовой борьбе как главной движущей силе истории является выражением общего закона материалистической диалектики — закона единства и борьбы противоположностей.

Классики марксизма-ленинизма выступали против сведения исторического процесса к экономической истории, против недооценки и игнорирования роли политических и идеологических отношений. Замечательные разъяснения на этот счет даны в письме Ф. Энгельса И. Блоху: «...Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большого никогда не утверждали. Если кто-нибудь это положение извращает в том смысле, что будто экономический момент является единственно определяющим моментом, то он тем самым превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение, это — базис, но на ход исторической борьбы оказывают также влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором, в конце концов, экономическое движение как необходимое прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (т. е. вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдаленна или настолько трудно определяема, что мы можем забыть о ней, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени»¹.

Конечно, ограничительное, одностороннее экономическое понимание предмета исторической науки, которое было изложено в четвертой главе краткого курса «Истории ВКП(б)», не могло стать руководством для историков в исследовательской работе. Практически мало кто из историков следовал такому пониманию. Но это вело к снижению роли методологических принципов исторической науки вообще, к усилению эмпиризма и описательности. Не проследивалось с необходимой глубиной взаимодействие всех моментов исторического процесса, о чем говорил Ф. Энгельс, не вскрывалась диалектика этого процесса, не изучалось со всей полнотой, как именно необходимость прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей.

Особенно пагубным становилось забвение руководящего марксистско-ленинского принципа исторической науки, согласно которому вся писаная история прежнего общества, за исключением первобытного, была историей классовой борьбы. Этот принцип означает, что не может считаться историческим исследованием та работа, которая, хронологически относясь к истории классового общества, по существу, не анализирует классовую борьбу данной эпохи. А такие работы, к сожалению, появлялись и не подвергались должной критике с позиций исторического материализма.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. М. 1952, стр. 467—468.

С другой стороны, нельзя согласиться с теми концепциями, которые, подчеркивая классовый подход к истории, игнорируют роль национальных моментов в историческом развитии. Марксизм-ленинизм требует не противопоставлять классовый подход национальным моментам, а объяснить их с классовых позиций.

Опыт идеологической борьбы последнего времени выявил и такие приемы маскировки, когда ультраклассовый подход на словах служит прикрытием националистического и даже расистского толкования исторических событий.

Марксистско-ленинская теория классовой борьбы не отрицает национальные традиции и патриотические чувства, а дает научный критерий для понимания качественного отличия патриотизма от национализма и расизма.

Следует подчеркнуть, что вопросы истории классовой борьбы последних двух веков нельзя освещать без исследования истории политических партий. На развитие экономических, политических и идеологических форм борьбы, на ход политических событий различные партии оказывают большое воздействие.

Особенно усиливается влияние революционных партий рабочего класса в общественной жизни, что отражает все возрастающую роль народных масс в истории.

В этой связи первостепенное значение имеет изучение истории коммунистических и рабочих партий, истории мирового коммунистического и рабочего движения, особенно великого исторического опыта КПСС и советского народа.

В определении предмета исторической науки руководящее значение имеют положения Программы КПСС о том, что исследование проблем всемирной истории и современного мирового развития должно раскрывать закономерный процесс движения человечества к коммунизму, возникновение и развитие мировой социалистической системы, изменение соотношения сил в пользу социализма, обострение общего кризиса капитализма, крушение колониальной системы империализма и его последствия, подъем национально-освободительного движения.

В обширном поле зрения современного историка большое и важное место занимает история научного коммунизма, история развития марксистско-ленинских идей и история борьбы за их претворение в жизнь.

Наши ученые могут и должны показать, как в истории складывались, углублялись и усложнялись острые социальные проблемы и как научный коммунизм открыл возможность их практического решения. С громадным интересом встречены были бы работы о том, как исторически появились и как преодолеваются противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, противоречия между нациями и государствами, неравноправие и угнетение наций, приниженое и бесправное положение женщин, как распространялись идеи интернационализма и утверждалась дружба народов, как изменялись формы семьи и брака, как развивались моральные нормы, нравы и обычаи, различные области культуры.

Предмет исторической науки не может быть неизменным, он расширяется и обогащается вместе с историческим развитием самой жизни человеческого общества.

История и социология

Для того, чтобы правильно и глубоко разрабатывались методологические проблемы исторического знания, необходимо по-новому поставить и решить вопрос о соотношении истории и социологии. Этот вопрос был сильно запутан, когда подвергались критике концепции М. Н. Покровского. В условиях культа личности эта критика превратилась в борь-

бу против так называемого социологизма в исторических исследованиях. Весьма расширительное толкование понятия «вульгарный социологизм» приводило к изгнанию из исторических исследований социологических обобщений, к боязни историков ставить теоретические вопросы на конкретном материале, отходу философов от разработки методологических проблем истории. Конечно, совершенно нетерпимо, когда историк или философ подменяет конкретное исследование повторением готовых социологических формул. Но столь же нетерпимо, когда историческое исследование не ищет путей к постановке больших вопросов о закономерностях общественного развития, без анализа которых нельзя понять ход исторических событий.

Всякое разобщение истории и теоретического обобщения исторического опыта противоречит основным требованиям марксизма-ленинизма. Марксистско-ленинская теория общественного развития возникла на основе глубокого изучения конкретного исторического материала; она, разумеется, не случайно получила название «исторический материализм». Для К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина характерен исторический подход к явлениям общественной жизни. В наследии классиков марксизма даже не представляется возможным отделить труды, посвященные теории общественного развития, от трудов, посвященных истории.

Отделение социологических обобщений от изучения конкретной истории — это скверная традиция буржуазной социологии. Именно буржуазная социология с самого своего возникновения отделилась непроходимым рвом от конкретной истории. Буржуазные теоретики-позитивисты, подобные О. Конту и Г. Спенсеру, делали весьма тощие идеалистические выводы из исторического процесса, а все его многообразие, разумеется, невозможно было уложить в прокрустово ложе их идеалистических схем. Эти схемы не только не способны были указать пути конкретного исторического исследования, но и всячески его тормозили. Современная неопозитивистская социология потребовала удаления из исследований всяких поисков исторических закономерностей, всяких обобщений явлений общественной жизни прошлого и их связей с современностью. Представители этой социологии оказались не в состоянии рассматривать явления общественной жизни капитализма как исторические, преходящие. В течение последних десятилетий произошел окончательный разрыв между «западной» социологией и историей. Некоторое время существовала искусственно созданная дисциплина — «историческая социология», но, лишенная полноценных связей с анализом явлений современного общества, с их генезисом и судьбой, эта дисциплина зачахла и затем погибла.

В нашей исторической науке положение, конечно, было иное. Но и здесь в результате неправильного толкования отношения между социологией и историей образовался некоторый разрыв между теорией и историей, теоретическое обобщение исчезало из исторических исследований.

Каков же характер тех теоретических обобщений, которыми должен заниматься историк?

Можно ли свести роль обобщения в историческом исследовании к повторению исследователем общесоциологических законов, причем конкретные исторические факты в таком исследовании становились бы лишь иллюстрацией, примером действия давно известных законов? Разумеется, нельзя. В этом случае история потеряла бы свое значение науки, а историческое исследование перестало бы удовлетворять требованиям научного познания. Роль ученого-историка не может, конечно, сводиться к поискам новых примеров для иллюстрации уже известных положений.

Если говорить об исследовании общих социологических законов, то задача ученого-историка заключается не в том, чтобы их иллюстрировать на примерах, а в том, чтобы выяснить особенности и механизм действия этих законов в конкретных условиях, то есть в определенной стране и в определенный исторический период.

Общие законы выступают в истории не в чистом и однообразном виде, а в конкретно-историческом своеобразии, анализ которого и составляет важнейшую задачу исторического исследования. Нащупать в многообразии единичных явлений общую закономерность и распознать эту закономерность за скрывающимися ее суть особыми историческими формами — это нелегкое дело для исследователя. При этом историк должен выяснить роль случайных явлений, без которых история, как говорил К. Маркс, имела бы мистический вид. Показать, как необходимость прокладывает себе дорогу сквозь толпу случайностей, говоря снова словами К. Маркса, — это почетная задача историка. Такая задача включает в себя анализ зигзагообразного пути, которым движется история, отступлений, временных успехов реакции и, наоборот, тех факторов, которые убыстряют темпы исторического процесса, обеспечивают наиболее эффективное развертывание прогрессивных сил. Особенно важно обращать при этом внимание на те возможности, которые кроются в исторической действительности, на те тенденции, которые возобладали, и на те, которые были подавлены и не получили простора для своего проявления. Это важная теоретическая задача именно историка, тут социолог никак не может его заменить. Между тем без разрешения этой задачи история, повторяем, будет иметь мистический вид и наше понимание исторического процесса останется неглубоким.

Изучение механизма действия социологических законов в конкретных условиях предполагает четкий анализ роли субъективного фактора, сознательной, целенаправленной деятельности людей в историческом процессе. Характер, форма и степень организации народных масс и их сознательности — важная проблема исторического исследования.

Изучение механизма действия социологических законов — теоретическая задача, решение которой способно в значительной мере обогатить наше понимание самих этих законов исторического процесса. Без огромной и плодотворной деятельности историка невозможно, говоря другими словами, развитие исторического материализма, обогащение и углубление многих важнейших его положений.

Исторические закономерности

Однако этим отнюдь не исчерпывается, на наш взгляд, теоретическое значение исследовательской работы в области истории. Изучение механизма действия социологических законов непосредственно приводит к выявлению, к открытию специфических исторических закономерностей. Неправильно было бы считать, что в истории действуют лишь общие социологические законы и ни с какими иными обобщениями историк якобы не может иметь дела. Такой взгляд обедняет историю как науку.

Перед внимательным и пытливым глазом историка открывается многообразие исторических закономерностей, которые хотя и связаны с общими социологическими законами, но отнюдь не исчерпываются ими. Специфические исторические закономерности исследователь может вскрыть, изучая взаимодействие экономических, политических и идеологических процессов в общественной жизни. Общие социологические законы вскрывают материальную основу этого взаимодействия, указывают роль, которую играет экономика, политика, идеология в историческом развитии. Но выяснение закономерностей этих процессов в их взаимодей-

ствии при определенных конкретных условиях — дело исторической науки. К сожалению, даже для капиталистической формации, наиболее изученной историками-марксистами, анализ свойственных этой формации исторических закономерностей, связей, переплетений и взаимодействия различных процессов общественной жизни, относительного преобладания при определенных условиях одних процессов (политических, идеологических) над другими еще оставляет желать многого. В разработке этих вопросов особенно необходимо творческое сотрудничество историков, философов и социологов. Мы еще сравнительно часто уступаем поле исследования нашим противникам, которые выдвигают теорию факторов, действующих якобы независимо друг от друга, и говорят, что историческое явление есть лишь точка пересечения действия этих факторов.

Возьмем обширную сферу классовой борьбы. Разве, изучая ее, нельзя обнаружить специфические исторические закономерности классовой борьбы? Известно, как внимательно В. И. Ленин изучал многообразный исторический опыт классовой борьбы. Со страниц ленинских книг встает опыт буржуазных революций XVII—XVIII вв., французских баррикад 1848 и 1871 годов. Ленин изучает и обобщает этот опыт, вскрывает общие черты явлений прошлого и настоящего, ставит вопрос, чему учит исторический опыт, какие закономерности он таит. Ленин анализирует общие и специфические черты маневров и тактики врагов рабочего класса, агентуры буржуазии в рядах пролетариата. Когда Ленин говорит о «луиблановщине» российских меньшевиков, он указывает на повторяемость, на типические черты в определенных исторических явлениях, подчеркивает логику соглашательства, неизбежно связанную с предательством коренных интересов рабочего класса. Здесь речь идет вовсе не об исторических аналогиях. Этим методом Ленин никогда не оперировал, ибо метод аналогий — поверхностный метод буржуазного параллелизма, отрицающего закономерности исторического процесса. Это метод субъективных сопоставлений, а не метод, ведущий к вскрытию действительной общности в явлениях. У Ленина речь идет о вскрытии сущности исторического явления, и только таким путем можно вскрыть общность в различных явлениях, определить границы этой общности, выявить специфичность, присущую именно данному явлению. Только обнаруживая существенные черты в исторических явлениях, можно ставить и решать вопрос о повторяемости, о появлении в истории таких типических сторон явлений, которые оказываются воспроизведением в новых исторических условиях уже известных в прошлом тенденций, ситуаций, соотношений классовых сил, маневров и приемов борьбы этих сил.

В историческом исследовании, таким образом, неизбежно ставится вопрос о типичности тех или иных ситуаций, черт общественной жизни, поведении представителей определенных классов при известных условиях. Эта типичность в конкретных единичных явлениях есть выражение определенных закономерностей исторического процесса, которые и должен вскрыть историк. Требование вскрыть типичность в отдельных явлениях общественной жизни и уметь изложить для читателя эту вскрытую типичность в известной мере роднит творческую работу историка с творческой работой писателя. На этой почве западные идеологи создают фальшивые теории о том, что история — это искусство, по своей природе ничем не отличающееся от художественной литературы. На самом деле в этом пункте творчество писателя приближается к творчеству ученого, вспомним, например, как К. Маркс и Ф. Энгельс оценивали труд Бальзака как социолога.

В. Г. Белинский был прав, когда писал: «В том-то и заключается трудность условий исторического таланта, что в нем должны быть

соединены строгое изучение фактов и материалов исторических, критический анализ, холодное беспристрастие, с поэтическим одушевлением и творческой способностью сочетать события, делая из них живую картину, где соблюдены все условия перспективы и светотени»².

В исторической науке, как и во всяком исследовании, из сопоставления и сравнения явлений выводится закон. Примером такого вывода может служить ленинское обобщение исторических фактов, относящихся к революционной ситуации. В. И. Ленин берет исторический опыт революции, и в частности трех русских революций в XX в., анализирует положение и поведение в них различных классов и устанавливает основной закон революции: революция может победить лишь тогда, когда «низы» не хотят жить по-старому и когда «верхи» не могут управлять по-старому; революция невозможна без общенационального кризиса, затрагивающего и эксплуатируемых и эксплуататоров.

Это большой важности методологическое указание В. И. Ленина открывает перед историком-марксистом широкую область исследования об основном законе революции, о проявлении закона в различных конкретных условиях.

О так называемом объективизме и действительной объективности в историческом исследовании

Историческая наука отнюдь не является ареной произвола и субъективизма. Историческая наука ищет и находит объективную истину. Поэтому история и называется наукой. В исторической науке мы так же, как и в любой другой отрасли научного знания, имеем дело с диалектикой истины абсолютной и относительной. Даже буржуазные теоретики, по крайней мере большинство из них, признают скупую истину и объективную сущность таких фактов, как, например, факт выхода «Правды» 5 мая 1912 года. Истолкование же факта, его оценка, по мысли буржуазных теоретиков, — явление не только относительное, но и субъективное. Но поскольку историческая наука не может состоять из простой констатации «голых фактов», она становится ареной субъективного произвола историка.

Но что такое на самом деле истолкование или оценка факта в исторической науке? Это попытка вскрыть объективно существующие связи данного явления с другими фактами и явлениями. В этом и состоит суть научного подхода к явлениям общественной жизни. В. И. Ленин подчеркивал, что только марксизм дал возможность обществу «перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что общее всем им»³.

Таким образом, пугающее идеалистов отличие суждения о наличии факта от оценки его в исторической науке на деле отнюдь не является стеной, отделяющей объективное от субъективного. От констатации, от установления факта историк переходит к анализу объективных связей исторического явления с другими явлениями, выделяя то, что отличает именно это явление, и то, что роднит его с другими фактами и явлениями. В познании этих бесконечных реальных связей, в том числе и отношения причинности, он часто приходит к относительной истине, но она объективна, а не субъективна.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. VII. М. 1955, стр. 52—53.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 123.

Таким образом, вся хитроумная конструкция, созданная субъективным идеализмом по отношению к историческому знанию, рушится. Никакая пропасть не отделяет простое суждение о наличии факта от его истолкования. Это истолкование, если оно зиждется на научной основе, есть более или менее глубокое выявление объективно существующих многосторонних связей между данным фактом и другими фактами и явлениями. Когда историк, сопоставляя факты и вскрывая их природу, приходит к выводу о наличии тех или иных противоборствующих тенденций в развитии общества, он вскрывает реальные процессы. Никакого простора для субъективистского произвола историческая наука, по самой своей природе, не дает исследователю и не может давать. Господство субъективизма наступает лишь в том случае, если исследователь, стоя на позициях идеализма, под «истолкованием» факта понимает его оценку в соотношении с идеалом, с общей «целью исторического процесса» и т. д. Субъективизм, следовательно, привносится в историческую науку идеалистическим методом, а отнюдь не присущ самой этой науке. Идеологическая борьба в исторической науке идет сейчас главным образом вокруг истолкования, то есть обобщения фактов, вокруг исторических концепций, определяющих понимание и объяснение фактов. Вот действительное поле борьбы двух идеологий.

Борьба за достоверность исторического знания, за его объективность, за реализацию огромных возможностей человеческого разума в познании исторического пути развития человечества — важная сфера идеологической борьбы.

Уже на школьной скамье человек впервые встречается с исторической наукой, запоминает ее выводы, учится понимать исторические события, отличать эпохи, задумывается над ходом истории. Школьный учебник истории — важное орудие формирования мировоззрения людей. Империалистическая реакция хорошо это понимает, она боится потерять это орудие воздействия на умы людей. Теоретики империализма немало тратят усилий для того, чтобы буржуазные взгляды на общественную жизнь пропагандировались с помощью истории и историков.

Этим объясняется постоянное внимание буржуазных философов к вопросам методологии истории. Неокантианцы и другие субъективные идеалисты заявляют, что общественная наука должна лишь описывать отдельные факты, что история не может обобщать, вскрывать определенные закономерности. Они выступали и выступают с лозунгом «освобождения» историков от такого «предрассудка», как идея исторической закономерности. Они предпринимают многочисленные попытки противопоставить историю естественным наукам. Их методологической основой является метафизический отрыв общего от единичного, противопоставление «генерализирующего» метода естествознания «индивидуализирующему» методу истории.

Методологические принципы, выдвигаемые современными буржуазными теоретиками, в конечном счете все подчинены идее отрицания объективной истины исторической науки. Так подрывается самая возможность научного понимания исторического процесса, его объективных закономерностей, единства мирового общественного развития.

Неотомистская концепция развития общества исходит из того, что в истории царит не естественноисторическая закономерность, а опосредствованная или осуществляемая при помощи случайностей божественная воля. Отрицание объективной исторической закономерности означает отрицание возможностей научного познания пути развития человечества. А из этого следует, что в хаотическом потоке бытия историку не остается ничего иного, как ловить проявления божественной воли. Но это и есть ликвидация исторического знания. Буржуазная истори-

ческая наука заявила о своем возникновении, изгоняя божественную волю из исторического процесса, пытаясь найти «естественные» законы истории. Ныне «возвращается ветер на круги своя».

Об антиисторизме буржуазных ученых XX века пишет известный английский философ Патрик Гардинер в книге «Теории истории»⁴. И по-своему он прав: возрождение субъективного идеализма, его преобладающее положение в буржуазной идеологии, тот процесс, который с предельной глубиной вскрыл В. И. Ленин в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм», разрушительно сказался и на буржуазной исторической науке. Французский академик, писатель Валери, немецкие неокантианцы, а затем Дильтей стали в начале века застрельщиками похода реакции против буржуазного историзма, за обработку с позиций субъективного идеализма важнейших вопросов методологии истории. Началось гонение на все прогрессивные тенденции в буржуазной исторической науке, на малейшие признаки стихийного материализма в трудах историков. Все подобные тенденции были объявлены «старомодными», отжившими, не удовлетворяющими требованиям «современного философского мышления». Ныне Гардинер подводит итоги этого похода. Он готов праздновать победу. Но, «расправившись» с понятием «закономерность», Гардинер ничего не может поделать с проблемой причинности. Он признает, что нельзя излагать историю, не указывая на причину и следствие. Но как установить, что данное событие вызвано именно этой причиной, а не какой-либо другой? Как, анализируя причинность исторических явлений, отказаться от поисков закономерностей развития? Как дать объяснение исторических явлений без обобщения, без вскрытия закономерностей? На эти вопросы он, по сути дела, не может дать никакого ответа. Если нет «обобщающих утверждений», то, конечно, нет и исторической науки.

Из этого логического тупика современные сторонники идеалистических концепций выйти не могут. Тот, кто идет более последовательно по проложенной тропе, неизбежно договаривается до ликвидации истории как науки. В 1961 г. появилась наделавшая немало шума книга Дж. Х. Хекстера «Переосмысление истории». К. Бриденбах, автор рецензии в американском историческом журнале⁵, провозглашает, что работа Хекстера представляет собой вызов историкам, что он заставил пересмотреть некоторые основные посыпки подхода западных историков к историческим событиям. Пересмотр истории Хекстер сводит к тому, что призывает «проверить» достоверность и полезность таких «препятствий для мысли», как понятия «развитие», «направление», «эволюция», «тенденция», «факторы». Но таким образом разрушаются все основные научные понятия, на которые историки опирались в течение многих десятилетий.

Итак, буржуазные идеологи изощряются сейчас в нападках на историзм, заявляют, будто исторический процесс — это цепь субъективистских представлений историка и не существует объективной истины в наших знаниях прошлого, нет объективных закономерностей общественного развития. История, по их утверждениям, — хаотичное нагромождение различных событий. Таким образом, историзм вытесняется многочисленными субъективистскими концепциями. В коммунистическом же мировоззрении историзму принадлежит важное место; научная теория исторического процесса и знание прошлого неразрывно соединены в марксистско-ленинской науке с правильным пониманием перспектив будущего. Когда позитивисты заявляют, что не существует закономер-

⁴ «Theories of History». Glencoe 1959, pp. 265—274.

⁵ «American Historical Review». Vol. 67. 1962, № 4.

ностей исторического процесса, когда прагматисты говорят, что история — конгломерат разрозненных фактов, а экзистенциалисты утверждают, что история — это множество индивидуальных судеб людей и т. д., то все эти идеалистические концепции преподносятся в конечном счете с единственной целью — подорвать уверенность в необходимости исторической смены общественных формаций. В этом находит свое яркое проявление борьба двух идеологий, двух мировоззрений.

В наше время значение методологических вопросов исторического знания, таким образом, особенно возрастает. Это обусловлено теми огромными сдвигами в мировой истории, которые находят отражение в идеологической борьбе. Изменение в соотношении сил двух противоположных систем — капитализма и социализма — определяет прежде всего характер современной идеологической борьбы. Колоссальный рост сил социализма и преобладание их над силами капитализма — это важнейший исторический факт, и его необходимо осмыслить методологически. Буржуазные теоретики хотели бы «объяснить» этот факт как нечто незакономерное в судьбах человечества. Они для этого готовы отбросить всякое понятие исторической закономерности, возвести произвол в ранг вершителя судеб человечества.

Современные идеалисты упрекают марксистов в том, что они в своем анализе будто бы пользуются «предвзятыми мнениями». В этом вопросе следует также разобраться. О каких «предвзятых мнениях» идет речь? Под «предвзятыми мнениями» противники марксизма понимают социологические законы, открытые К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным. Идеалисты хотели бы, чтобы историки-марксисты каждый раз, по всякому поводу доказывали, что, скажем, в основе общественного развития лежит противоречивое единство производительных сил и производственных отношений. Но такое требование противоречит самой природе научного познания. Разве могла бы развиваться математика, если бы вместо того, чтобы опираться на доказанные и проверенные теоремы, исследователь каждый раз должен был бы все доказывать сначала?

Материалистическое понимание истории, как указывал В. И. Ленин, вначале было гипотезой. Затем К. Маркс выполняет гигантский труд, выраженный в «Капитале», и проверяет эту гипотезу на огромном фактическом материале. «Теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение...» — пишет В. И. Ленин. Материалистическое понимание истории становится, по выражению Ленина, «синонимом общественной науки»⁶.

Было время, когда в боях с идеалистами историк-марксист должен был снова и снова доказывать главным образом правоту основных положений исторического материализма, нарочито возвращаясь именно к этим общим положениям при изучении конкретных фактов. Ныне историк-марксист исходит из положений исторического материализма не как из гипотез, а как из доказанных научных положений, без которых невозможно научное знание.

Ленин подчеркивал, что не существует другой теории общественно-го развития, «которая бы точно так же сумела внести порядок в «соответствующие факты», как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее...»⁷. Из этого и исходит историк в своей работе. Наконец, эта теория, научно обоснованная и переставшая быть гипотезой, ныне проверена историческим опытом многомиллионных масс,

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 125.

⁷ Там же.

строящих новое общество и сознательно руководствующихся в своей борьбе и в труде принципами марксизма-ленинизма.

При этом классики марксизма-ленинизма предупреждали против превращения их учения в историко-философскую схему, под которую подгоняются исторические факты. В. И. Ленин неоднократно разъяснял, что в известной формуле «марксизм — не догма» выражен глубокий историзм нашего мировоззрения. Без развития этого мировоззрения в соответствии с конкретно-исторической обстановкой теория и не может служить руководством к действию. Тот, кто не считается с изменяющейся исторической обстановкой, игнорирует новые явления жизни, неизбежно становится на путь субъективизма и волюнтаризма, отходит от материалистического понимания истории.

Исторический материализм прошел и постоянно проходит проверку в конечном счете практикой. Из этого исходит современный историк. Все достижения советской исторической науки опираются на марксистско-ленинское понимание исторического развития, включающее как наиболее важный момент анализ коренных социальных проблем современности. Основные вопросы современного мирового развития — это ключевые вопросы всей нашей концепции исторического процесса. Кризис буржуазной историографии неразрывно связан с неспособностью буржуазных идеологов дать ответ на жгучие вопросы сегодняшнего дня. Историк-марксист изучает механизм действия основных социологических законов и тем самым не только проверяет их существование на фактах, но и углубляет и расширяет наше понимание этих законов. Вместе с тем он вскрывает специфические исторические закономерности в развитии классовой борьбы, в развитии политической и духовной жизни общества. С этой целью он анализирует повторяемость в исторических явлениях, вскрывая их сущность, их социальную природу.

Общественные формации и историческая эпоха

В. И. Ленин писал, что «анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие общественной формации»⁸. Решающим критерием для определения формации является способ производства материальных благ. Продолжая эту мысль, В. И. Ленин говорит, что марксизм не ограничился изучением производственных отношений. К. Маркс в «Капитале» показал «всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением существующего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»⁹. Это было бы невозможно сделать, если не учитывать повторяемости и в бытовых сторонах формации, в политической ее жизни, в других надстройках и т. п. Задача историка — идти все глубже и дальше в изучении этой повторяемости в различных сторонах общественной жизни, в различных сферах деятельности людей, открывать, таким образом, все новые исторические закономерности.

Разумеется, история изучает эти закономерности в пределах данной формации. Анализ законов, действующих во всех или почти во всех формациях, является главным делом социологов.

История изучает эти закономерности не только в рамках данной

⁸ Там же, стр. 123.

⁹ Там же, стр. 124.

формации, но и в рамках отдельных исторических эпох, которые являются важными ступенями в развитии формации. Касаясь характера войн в эпоху империализма, В. И. Ленин, например, писал: «Эпоха потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений и войн, как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам»¹⁰. Это очень важное в методологическом отношении указание. Эпоха обнимает сумму явлений, характерных в той или иной мере для всех стран, передовых и отсталых. Задача историка — научно определить типичные явления для эпохи. Умение охватить многообразие явлений данной эпохи, видеть ее типичные и нетипичные черты в различных процессах — это и значит заниматься конкретным историческим анализом эпохи.

Между тем именно понятие «историческая эпоха», которое требует от историков большого теоретического обобщения, выявления специфических исторических закономерностей и типичного в явлениях, а также анализа на конкретном материале социологических законов развития формации, оказалось очень слабо разработанным в нашей исторической науке. Понятие «эпоха» часто употребляется произвольно; специфические закономерности, анализ которых делал бы научно обоснованным применение этого понятия, недостаточно изучены. Эпохи как важные ступени в развитии исторического процесса в рамках определенной формации изучены нами еще недостаточно глубоко. Между тем вопросы научной периодизации исторического процесса без анализа эпохи решить невозможно.

Установление правильного соотношения понятий «формация» и «историческая эпоха» — ключ к решению многих вопросов периодизации исторического процесса, один из ключевых вопросов исторического знания. Развитие формаций, изучение этого процесса во всей его конкретности неизбежно ставят вопрос об исторических эпохах, о периодах в диалектическом развитии формаций. Буржуазные теоретики хватались буквально за каждое и всякое новое открытие, относящееся к минувшим историческим периодам, для того, чтобы расшатать понятие «формация». История под их пером рассыпалась на отдельные, не связанные законами внутреннего развития эпохи. Фабриковались одна за другой идеалистические схемы, распространялись антинаучные взгляды на периодизацию истории человечества. Мы противопоставляли этим буржуазным вывертам понятие «общественная формация». Это правильно, но этого недостаточно для того, чтобы полностью разгромить противника. Следует дать научно обоснованное понятие «эпоха» в истории человечества на основе марксистского учения о развитии общественно-экономической формации и тем самым окончательно похоронить попытки буржуазных теоретиков доказать, что история есть бессистемное чередование «взлетов» и «падений» человеческого духа, выражающихся в прогрессивных и регрессивных эпохах, в «рождении и смерти отдельных цивилизаций».

Особенно слабо разработанными оказались вопросы становления формаций, то есть тех эпох, когда новый способ производства не стал еще безраздельно господствующим, но и прежний, уходящий способ производства уже не определяет ход исторического процесса. Здесь особенно необходимо социологическое обобщение конкретного исторического материала. В отношении таких эпох особенно много было создано вредных, реакционных теорий буржуазными обществоведами. Подобными теориями буржуазные идеологи сбивали с толку многих честных представителей западной интеллигенции.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 25.

Известно, что немало вздора было высказано и по вопросу об исторической эпохе применительно к нашему времени. И здесь сказалось непонимание вопроса о главном и ведущем, что определяет эпоху, формирует ее характерные черты в истории возникновения и развития формации. В. И. Ленин указывал, что для анализа эпохи важно установить, какой класс стоит в центре данной эпохи и определяет историческое развитие. Из этого исходят марксисты-ленинцы в определении характера нашей эпохи. Документы международного коммунистического движения, решения съездов нашей партии дали глубоко научное, марксистско-ленинское определение нашей эпохи, обогатили тем самым теорию исторического процесса, разбили догматические, ревизионистские и буржуазные извращения в понимании исторического значения нашего времени. Одна из характерных черт догматизма — его антиисторизм. Догматизм исключает понимание изменчивости, живой диалектики исторического процесса. Он становится теоретической основой грубейших политических ошибок и извращений. Игнорируя исторические изменения, догматизм ведет к авантюризму в политике, препятствует правильному использованию открывающихся новых возможностей для борьбы трудящихся. Без правильного определения современной эпохи нельзя глубоко, научно понять настоящее, проанализировать его отношение к прошлому, увидеть тенденции, перспективы развития, ведущие к будущему. А в этом и заключается сущность исторического подхода к явлениям общественной жизни. Не менее важно научно определить значение понятия «этап» в соотношении с понятиями «эпоха» и «формация».

Марксистско-ленинское учение о формациях не отменяет изучения исторических эпох и этапов в их развитии, но оно исключает вместе с тем произвольное употребление этих понятий, которое неизбежно запутывает вопросы периодизации истории общества, отдельных народов и стран.

При постановке этих вопросов периодизации истории особое внимание историки, разумеется, должны обратить на анализ эпохи, которую открыла Великая Октябрьская социалистическая революция. Методологическое значение изучения нашей эпохи все более возрастает. Анализ истекающего пятидесятилетия позволяет историку изучить тот многообразный опыт, который приобрело за это время человечество, в первую очередь опыт нашего народа, нашей партии, сделать выводы о значении великого исторического события для длительного периода общественного развития, проследить, как основные черты эпохи определяют жизнь всего человечества, всех народов, всех стран, показать во всей полноте главнейшие этапы мирового революционного процесса, строительства нового общества.

О связи теории с практикой в историческом исследовании

Конкретно-исторический подход дает нам возможность правильно решить коренной вопрос о связи теории с практикой коммунистического строительства в применении к исторической науке.

Во-первых, история, если она обобщает великий опыт борьбы народов, дает материал для выработки научно обоснованной политики партии. Марксизму чужда формула, будто история есть политика, опрокинутая в прошлое. На самом деле соотношение между политикой и историей иное: познание исторического опыта дает реальные возможности для выработки научно обоснованной политики партии. Без теоретического обобщения исторический опыт остается втуне. Это обобщение создается трудами историков, иначе, разумеется, и быть не может.

Во-вторых, история — средство коммунистического воспитания масс, воспитания уверенности в правоте и непобедимости великого дела коммунизма, уверенности в неисчислимых возможностях творческой энергии народных масс, понимания всего огромного значения их организovanности и сознательности для успешной исторической деятельности. Можно без преувеличения сказать, что нет ни одной задачи воспитания нового человека, где история не приходила бы на помощь, будь то формирование научного, атеистического мировоззрения, глубокого интернационализма и дружбы народов, животворного советского патриотизма. Историческая наука, таким образом, тесно связана с решением важных организаторских и воспитательных задач партии.

Свои теоретические и практические выводы партия делает на основе углубленного изучения нашего исторического опыта, применяя и развивая ленинские положения в новых условиях. Советское общество имеет уже историю, насчитывающую почти полстолетия. История тех процессов, которые происходили в советском обществе, например, история советов народного хозяйства или организация партийно-государственного контроля, имеет важное значение для современности, для нашего коммунистического строительства. Речь идет об изучении исторического развития СССР и основных процессов, характерных для советского общества.

Приближение к жизни работ наших историков, несомненно, будет стимулировать развитие исторического знания в целом. Стоит напомнить, что свои исторические работы, на которых учатся поколения историков-марксистов, К. Маркс написал по горячим следам событий, не дожидаясь, пока источники покроются архивной пылью. Большое значение для всей исторической науки в целом имеет создание научной истории советского общества, рабочего класса и крестьянства, строительства советской культуры, развития советской демократии, а также исследование других проблем развития социалистической общественной формации.

Подчас мы сами еще недооцениваем идеологическое значение всех этих вопросов. Серьезным недостатком явилось то, что на XI Международном конгрессе историков вопросы современной истории СССР, истории советского общества слабо были отражены в работе конгресса. Между тем нельзя не видеть, какое значение имеет разработка вопросов о месте истории СССР во всеобщей истории, о ее влиянии на всю мировую историю, на судьбы человечества.

Советскими историками все еще недостаточно обобщается опыт борьбы партии и народа за победу коммунизма, мало разрабатываются важнейшие теоретические проблемы современного исторического процесса, наиболее важные вопросы истории КПСС и международного коммунистического, революционного рабочего и национально-освободительного движения.

В настоящее время перед советскими историками все более настоятельно встает задача разработки вопросов выполнения нашим народом величественной программы построения коммунизма, намеченной XXII съездом КПСС. Мы решаем исторические задачи, поставленные вековым развитием человечества, такие, как ликвидация существенных различий между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, создание изобилия материальных и духовных благ, которые принадлежат всем членам общества. Важнейшие нити исторического процесса ведут к нашим сегодняшним делам и задачам.

Когда В. И. Ленин характеризовал раскол мира на два лагеря, он противопоставлял Советскую Россию и «капиталистическую загнивающую». Буржуазные историки игнорировали такую расстановку сил на мировой арене. Когда произошла Великая Октябрьская социалистиче-

ская революция, многие буржуазные историки склонны были рассматривать ее как случайный «эпизод». Сейчас социалистический строй уже не в одной стране, а в целом ряде стран, возникла мировая система социализма. Не учитывая этого факта, нельзя понять современный исторический процесс на протяжении полувека. В этом коренной и неустранимый порок буржуазного мировоззрения. Многие буржуазные теоретики заявляют, что современный мир переживает некий период «трансформаций», но коммунисты якобы «незаконно» хотят перевести человечество на новый путь, законная же дорога — это все тот же капитализм, только несколько подкрашенный и подновленный. Такой точки зрения придерживаются некоторые советники президента США из числа профессоров-обществоведов. Но никто из противников марксизма-ленинизма не может уйти от того, что ныне это узловое звено всей исторической концепции. Сегодня это важнейший вопрос методологии истории, всего научного мировоззрения.

Поднявшиеся на освободительную борьбу народы расшатали и подорвали веками складывавшуюся колониальную систему, опрокинули и старые буржуазные исторические концепции. От историков жизнь требует понимания и разъяснения этих процессов. Но буржуазные историки продолжают оценивать историю народов и государств на основе старой концепции, относятся к освободившимся народам и государствам как к придатку колониальных держав, в истории новых стран, новых наций и государств видят лишь своеобразное «дополнение» к истории старой капиталистической Европы и Америки. В этом также проявляется глубокий кризис буржуазной исторической науки.

В освещении истории колониальных, зависимых и освободившихся стран сейчас начался новый период, характеризующийся резким обострением идеологической борьбы. В этих странах уже начали изучать и писать свою историю. Но на разработку исторических проблем иной раз оказывают свое влияние националистические предрассудки. В исторических исследованиях мы часто еще видим, что ученый выступает под флагом, скажем, арабского национализма или под флагом различных националистических течений, существующих в Азии, Африке, Латинской Америке. Националистические тенденции нередко переплетаются с антикоммунизмом. С другой стороны, все более дают себя знать различные проявления национал-коммунизма. Заметны попытки «переписать» всемирную историю так, чтобы в центре ее стояла «своя» страна.

Историкам-марксистам необходимо с правильных методологических позиций показать, что произошло в освободившихся странах в связи с крушением системы колониального рабства, как развивалась и развивается история этих народов, какие движущие силы и какие закономерности определяли и определяют ныне их историческое развитие.

Большой вклад в разработку методологических вопросов призваны внести и историки КПСС. Анализ стратегии и тактики нашей партии на важнейших поворотах мировой истории показывает, как партия вскрывает закономерности общественного развития, как она использует их в борьбе за дело рабочего класса, всего трудового человечества. В некоторых работах по истории КПСС исследователи рассматривают деятельность партии на историческом фоне, но еще слабо показывают партию как важнейшую действующую силу исторического процесса, направляющую революционную энергию масс на то, чтобы реализовать все возможности, которые дает историческая обстановка для деятельности людей — творцов истории. Историки партии могут ярко и наглядно показать возрастание роли народных масс, значение их организованности и сознательности при решении исторических задач.

Работы, посвященные истории нашей современности, не могут не быть проблемными исследованиями. Простое добросовестное описание событий в их последовательности, да еще на материале, сравнительно ограниченном во времени и в пространстве, может быть летописью, воспоминаниями участника событий, но это еще не историческое исследование. Этим грешат, например, многие диссертации, посвященные деятельности партизанских отрядов в годы Великой Отечественной войны, и некоторые другие работы. Нет проблемы — нет и исследования, и как бы добросовестно ни старался автор собрать и описать материал, подобная работа не будет иметь значения.

Иной раз в качестве мотива для постановки той или иной исторической темы можно слышать такое рассуждение: в ряде областей Советского Союза процесс коллективизации уже изучен, а вот по данной области работ еще нет, поэтому я и взялся за перо. Такая мотивировка неубедительна. От историка вовсе не требуется статистического подтверждения одних и тех же закономерностей. Новый материал, вводимый в историческую науку исследователем, должен давать новые аспекты исторического процесса, стимулировать новые выводы, выявлять закономерности. Только такие исследования могут вести к углублению нашего познания исторических явлений. Простое механическое повторение исследовательской работы на однотипном материале не обогащает историческую науку, ибо даже факты и документы часто подбираются в этом случае по шаблону, за бортом могут остаться важные явления, которые не помещаются в уже проложенное русло. Задача исторического исследования не только в том, чтобы собрать материал и описать его, а в том, чтобы обогатить наше познание исторического опыта, попытаться поставить и решить вопрос, который расширяет наш исторический горизонт. Следовательно, без постановки теоретических, методологических вопросов здесь обойтись нельзя.

При выработке методики исторических исследований, посвященных современности, особенно вредно было бы противопоставлять историю и социологию. Историки советского общества используют не только исторические документы, но и метод конкретных социальных, или, как иногда говорят, социологических, исследований. Это метод изучения статистических данных, проведения обследований, составления анкет, организации опросов и т. д. Можно возразить, сказав, что с применением таких методов исчезает специфика именно исторических исследований. Ведь таким же методом пользуются специалисты по политической экономии и философии, которые изучают процессы, происходящие в экономике, общественных отношениях и идеологии советского общества. Отличие здесь заключается в том, что историки применяют метод конкретных исследований с помощью анкет, опросов, обследований в обязательном сочетании с методом историческим, с тщательным изучением истории того или иного процесса, явления нашей социальной жизни, с установлением его прошлого развития по документам и другим историческим материалам. В работах историков изучение явлений и процессов общественной жизни дается в их историческом развитии, на широком историческом фоне. Это и составляет основное содержание предпринятого исторического исследования. Что же касается сближения работ историков с работами обществоведов других специальностей, то мы считаем такое сближение вполне закономерным для развития общественной науки в наше время. Многогранность явлений современной общественной жизни требует не разъединения сил обществоведов, а их объединения для глубокого и всестороннего научного анализа этих явлений и процессов.

Обязательное требование к нашим историческим исследованиям, посвященным современности,— это глубина теоретического анализа, по-

становка серьезных вопросов, изучение областей и процессов нашей жизни, действительно имеющих важное значение. Скольжение по поверхности явлений, описание фактов с заранее готовыми, общеизвестными выводами ничего не сможет дать ни для науки, ни для практики.

Сосредоточивая свое внимание на исследовании развития процессов и явлений, происходящих в колхозах, совхозах, на промышленных предприятиях, в органах управления, в партийных организациях, историки приучаются обобщать и анализировать материалы практики именно на широком историческом фоне, вскрывать недостатки, подмечать и выдвигать новые проблемы, которые диктуются жизнью. Такие работы выдвигают теоретические вопросы и оказывают практическую помощь в осуществлении мероприятий партии, в улучшении ее организаторской и идеологической работы среди трудящихся.

В связи с этим встает вопрос и о том, как должен быть подготовлен исследователь-историк для того, чтобы он мог с успехом заниматься изучением процессов и явлений современной жизни советского общества.

Чтобы могли быть сделаны правильные практические выводы, необходима глубокая связь исследователя с жизнью. В наше время историю пишут те, кто ее делает. К разработке вопросов истории советского общества надо широко привлекать партийных работников, молодежь, обладающую опытом практической работы, которой необходимо помочь глубже подойти к теоретическому обобщению фактического материала и дать навыки исследовательской работы историка по темам их научных исследований. Исследования различных сторон творческой деятельности рабочего класса и колхозного крестьянства в исторический период после 1953 г. могут быть глубоко и всесторонне разработаны нашими научно-исследовательскими учреждениями, если привлечь к собиранию материалов и к их обобщению широкий круг практических работников, у которых имеется большой интерес к теоретическим и историческим проблемам.

Коротко говоря, задача состоит в том, чтобы актуализировать проблематику исторических исследований, сделать разработку проблем исторической науки более глубокой и действенной. На мартовском (1962 г.) Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев справедливо критиковал общественные науки, и в частности, историков по вопросу о подготовке научных кадров, защиты диссертаций. Наш бич и сегодня — это мелкотемье, которое критиковал Н. С. Хрущев. От этого серьезнейшего недостатка нам надо как можно быстрее избавиться.

В этом недостатке причина того, что историческая наука все еще не завоевала того высокого престижа, который она должна иметь в советском обществе. В этом кроется причина все еще недостаточного интереса широкого читателя к нашей исторической литературе, к работам наших историков.

Читатель требует от книги по истории большой темы и большой мысли. Такие книги никогда не лежат подолгу на полках книжных магазинов, они обогащают нашу советскую культуру, оказывают свое влияние на формирование духовного облика советского человека.

Иной раз можно слышать, что широкого распространения могут добиться только популярные работы по истории, что же касается исследований, то они представляют интерес лишь для немногих читателей. Это утверждение, однако, требует весьма существенных поправок. Едва ли правильно отделять высокой стеной исследовательскую работу по истории от создания научно-популярной исторической литературы. Эта стена была воздвигнута историками только в период заката буржуазного историзма. Конечно, результат исследований, скажем,

проблем физики излагается языком формул, доступных только для знающих высшую математику. Но что принуждает нас вести изложение проблем истории с помощью условного языка, доступного специалисту? Среди советских людей различных специальностей немало любителей серьезной книги, повествующей об истории. Такой читатель с охотой прочтет и исследование, если оно написано доступно по форме, если оно посвящено важным проблемам, способным заинтересовать отзывчивого к смелому поиску и чуткого к научному слову советского человека.

У нас имеются не только книги, но и исторические журналы, так сказать, камерного характера. Такой их профиль вызывает законное сомнение. Эти журналы оторвались не только от масс, но и от научной общественности, они не публикуют интересных материалов, не борются за повышение качества исторических работ, за яркость изложения. Явно недооцениваются большие возможности влияния исторических журналов и книг на массы, их роль в коммунистическом воспитании. Между тем исторические журналы и книги по истории необходимо оценивать не только с точки зрения их авторов, но и с точки зрения читателей.

Что же в конечном счете определяет повышение качества исторических исследований, улучшение подготовки кадров и дальнейший рост воспитательной роли исторической науки?

Это, несомненно, творческая разработка историками проблем современности и внимание к методологическим вопросам истории; в этом ключ к развитию истории как науки. Методология истории — это не абстрактные теоретические конструкции, это — мировоззрение, это важная область идеологической борьбы.

Необходимы организационные меры и для укрепления сотрудничества историков и философов. За последнее время немало сделано для укрепления союза философов с работниками естественных наук. Но до сих пор еще слабо осуществляется сотрудничество философов с историками. Это отрицательно влияет и на работу историков и на работу философов. Важной формой сотрудничества философов и естествоиспытателей стали так называемые методологические семинары, на которых обсуждаются наиболее острые мировоззренческие теоретические вопросы. В общественных науках эта форма еще не получила распространения. По-видимому, это неправильно. Такие формы совместной творческой работы философов и историков могут принести большую пользу.

Далее, необходимо теснее объединить деятельность представителей всех общественных наук. Пока еще в Академии наук СССР философы, историки, экономисты, языковеды, филологи работают разобщенно. Конечно, специфика каждой науки должна учитываться, но необходимо дополнить эту дифференциацию интеграцией, принять меры к тому, чтобы объединить гуманитарные науки в исследовании важнейших научных проблем, координировать работу не только по вертикали — в пределах отдельных научных дисциплин, но и по горизонтали — между различными общественными науками.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали в «Немецкой идеологии»: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»¹¹.

Речь не идет, разумеется, о каком-то «поглощении» историй всех других наук. В этих положениях основоположники марксизма выразили идею историзма как главного методологического требова-

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 16, примечание.

ния и общего принципа всех наук. Поэтому речь идет о тесном сотрудничестве историков, философов и экономистов, которое во имя создания этой «большой истории» должно быть широким и плодотворным. Только общие усилия помогут разрешить огромные задачи, выдвигаемые перед обществоведами эпохой строительства коммунизма.
